

ХІІІ ЖЕБЕЛЁВСКИЕ ЧТЕНИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
(26–28 октября 2011 г.)

26–28 октября 2011 г. на историческом факультете Санкт-Петербургского университета состоялись XIII Жебелёвские Чтения, организованные кафедрой истории древней Греции и Рима и Центром антиковедения СПбГУ. Очередные Чтения, посвященные памяти академика Сергея Александровича Жебелёва (1867–1941), проводились в семидесятый год со дня кончины этого выдающегося ученого. В конференции, которая традиционно собирает антиковедов со всей России, приняли участие ученые из Санкт-Петербурга, Москвы, Архангельска, Великого Новгорода, Вологды, Воронежа, Гатчины, Магнитогорска, Нижнего Новгорода, Новосибирска, Перми, Петрозаводска, Самары, Саратова, Ставрополя, Тамбова, Твери, Тобольска, Уфы, Ярославля, а также зарубежные специалисты по античности из Латвии, Польши, Финляндии. За три дня работы конференции ее участники представили и обсудили 56 докладов. В рамках конференции, кроме двух пленарных заседаний, проходила работа шести секций: истории древней Греции, истории эллинизма, истории Рима, истории культуры античного мира, источниковедения и историографии античной истории, истории раннего христианства.

Во вступительном слове «Памяти Сергея Александровича Жебелёва» заместитель председателя оргкомитета конференции, профессор *О.Ю. Климов* (Санкт-Петербург) рассказал о важнейших вехах жизненного пути и творчества ученого, в биографии которого отразилась тяжелая судьба страны и российской интеллигенции в XX в. Он отметил, что несмотря на обращение к новой, марксистской, методологии, во многом вынужденное, С.А. Жебелёв сумел отстоять академические традиции в антиковедении, сохранив преемственность с дореволюционной научной школой. Уже XIII Чтения, организованные в его честь, являются лишь малой благодарностью за значительные научные и педагогические заслуги этого замечательного ученого.

На пленарном заседании прозвучало четыре доклада. *М.Ю. Лантвева* (Тобольск) в докладе «Ионийские тираны и первые Ахемениды (546–492 гг. до н.э.)» подчеркнула, что тираны в полисах Ионии не были ставленниками и вассалами персов, хотя и пользовались их покровительством. После же подавления Ионийского восстания для обеспечения надежных тылов перед планируемым походом на Балканскую Грецию Ахемениды заменили ненадежных и слабых тиранов демократиями, осуществив, таким образом, то, что ионийские греки, по словам Геродота, «давно хотели». Доклад *В.М. Строгоцкого* (Нижний Новгород) «Отношение к Фукидиду в постклассический и эллинистическо-римский периоды» был посвящен весьма дискуссионной теме: по какой причине авторы IV в. до н.э., а также Полибий и другие эллинистические писатели не упоминают о Фукидиде. Докладчик подчеркнул, что влияние Фукидида сохранялось на протяжении всего постклассического и эллинистического периодов в форме использования элементов его метода и исторической концепции, в римскую же эпоху начиная с Дионисия Галикарнасского возникли и вполне зримые формы восприятия наследия Фукидида в виде имитации, использования языковых средств, риторических приемов и прямого цитирования.

Ю.Б. Циркин (Санкт-Петербург/Великий Новгород) в докладе «Антеий и Рецимер» отметил, что в связи со столкновением этих деятелей нельзя говорить об отчуждении между западными римлянами (латинами) и восточными (греками) и о глобальном противостоянии римлян и варваров. Докладчик подчеркнул, что речь шла о беспощадной борьбе за власть и даже за жизнь внутри правящей элиты, и в этой борьбе проблема происхождения того или иного деятеля (в данном случае Антемия и, может быть, Рицимера) являлась лишь пропагандистским оружием. *А.В. Коннев* (Хельсинки, Финляндия) в докладе «Комиции, консулы и трибуны в раннем Риме» отметил, что возникновение куриатных комиций возводится к Ромулу, центуриатных – к Сервию Туллию, а трибутные появляются в 484 или 471 г. до н.э. как *concilia plebis tributa*, а с 449 г. до н.э. как *comitia tributa*. Однако он выразил несогласие с распространенным мнением, что политическая и законодательная деятельность римлян была перенесена из куриатных собраний в центуриатные, а затем в трибутные. Ведь в эпоху Средней республики трибутные комиции пришли на смену куриатным, а не центуриатным. При этом границей полномочий служил померий: центуриатные комиции собирались на Марсовом поле, в их полномочия входили выборы магистратов для войны и внешней политики; трибутные комиции собирались на Форуме под руководством трибунов, выбирали городских магистратов и занимались внутренними делами, в их полномочия входило принятие законов, обсуждение и рогацию которых осуществляли трибуны.

После обеденного перерыва начали работу секции конференции. Первое заседание *секции по истории древней Греции* (председатель – В.М. Строгоцкий) включало обсуждение четырех докладов. *Е.Е. Макарова* (Великий Новгород) в докладе «Ахейская колонизация Восточного Средиземноморья: Лесбос» указала, что у Диодора сохранились два сообщения о колонизации ахейцами Лесбоса: из первого следует, что ахейцы под предводительством Макара пришли на Лесбос с Родоса (V.57.2), а из второго – из Олена (V. 81. 3–4). Основываясь на анализе этих сообщений, автор предприняла попытку реконструировать картину этнокультурного взаимовлияния Востока и Запада на примере раннеархаической истории Лесбоса. В докладе «Свинцовые позолоченные монеты, приписываемые Поликрату» *Н.А. Шергина* (Санкт-Петербург) отметила, что отправной точкой исследования послужило упоминание в «Истории» Геродота о монетах из позолоченного свинца, изготовленных по приказу Поликрата (III. 56). Кроме того, известно о существовании пяти свинцовых монет, изображение на реверсе которых двух вдавленных прямоугольников позволяет соотносить их с архаическими самосскими электровыми статерами, при этом некоторые ученые относят эти монеты к самосской чеканке времени правления Поликрата. Обратившись к нумизматическим и историческим исследованиям, Н.А. Шергина попыталась в своем докладе разобрать аргументы различных сторон в дискуссии о том, были ли эти монеты изготовлены в античный период или же они относятся к подделкам Нового времени.

В.И. Шубин (Архангельск/Санкт-Петербург) свой доклад «Заговор парфениев» посвятил событиям спартанской истории в последней четверти VIII в. до н.э., результатом которых стало основание Тарента. Автор обратился к дискуссионному вопросу о происхождении и составе участников сообщества парфениев, содержании конфликта парфениев с гражданским коллективом Спарты и путях разрешения этого конфликта. По его мнению, парфении принадлежали к гражданскому коллективу Спарты по праву рождения, при этом единственным отличием их от остальных граждан было то, что они, рожденные во время первой Мессенской войны, в силу своего возраста, не смогли принять участия в боевых действиях. Это обстоятельство стало основанием для того, чтобы после окончания войны лишить парфениев права на участие в разделе мессенских земель, в результате чего возник конфликт, который был разрешен на основе определенного компромисса – парфении были отправлены в Италию для основания колонии, но с правом возвращения на родину в случае неудачи. *В.В. Шувалов* (Гатчина) в докладе «Политический портрет Фемистокла» дал характеристику политической борьбы вокруг морской программы Фемистокла, которая стала важнейшим этапом афинской морской политики. Ее автор, наконец, реализовал заложенные еще Солоном предпосылки превращения Афин в морское государство и создал основу для небывалого роста афинского могущества в последующие годы.

Первое заседание *секции по истории эллинизма* (председатель – С.К. Сизов) открылось выступлением *М.М. Холода* (Санкт-Петербург) на тему «Греческие полисы Малой Азии в 336–335 гг. до н.э.». В докладе была сделана попытка выяснить, как складывались отношения греческих полисов с македонской монархией во время действия на западном побережье полуострова экспедиционного корпуса македонян. На основании анализа свидетельств источников автор пришел к выводу, что политика полководцев Филиппа II, действовавших в Малой Азии, в отношении здешних греческих городов отличалась от политики, проводимой позднее Александром, и вместе с тем была весьма сходной с той, которую практиковал Филипп в борьбе за гегемонию в Балканской Греции. *Д.Н. Бубнов* (Пермь) в докладе «Дар Александра кротонцам и политическая ситуация в Южной Италии на рубеже 30–20-х годов IV в. до н.э.» рассмотрел свидетельство Плутарха о посланной македонским царем Александром части захваченных при Гавгамелах трофеев кротонцам (Alex. 34. 2). По мнению докладчика, этот дар ознаменовал установление дружественных отношений Кротона с эпирским правителем Александром Молосским и был призван стимулировать кротонцев к более активному участию в войне против италиков на стороне Александра. В докладе также был рассмотрен вопрос о возможно неверном отождествлении дарителя в тексте Плутарха с Александром Македонским.

В докладе «Источники пополнения городской и федеральной казны в полисах эллинистической Беотии» *С.К. Сизов* (Нижний Новгород) указал, что наиболее надежным источником доходов в аграрной Беотии были различные поземельные сборы. Среди других источников пополнения городского бюджета – пошлины за право торговли и провоза товаров, сборы, взимаемые с тех туристов и паломников, которые во множестве стекались на священные празднества, проводимые в Беотии, подушный налог на метеков, штрафы и средства, вырученные от продажи конфискованных имуществ, пожертвования богатых «благотелей», периодические сборы средств путем добровольной подписки, а также некоторые экстраординарные меры. Казна Беотийского союза, по мнению докладчика, пополнялась прежде всего за счет взносов, а также путем взимания чрезвычайного налога с граждан. По заключению С.К. Сизова, финансовое положение и полисов, и федерации было достаточно устойчивым, так что сведения Полибия (XX. 6–7) о тяжелой проблеме задолженности в этой области Греции в конце

III – начале II в. до н.э. касаются скорее не государства, а частных лиц. *А.И. Юрин* (Санкт-Петербург) в докладе «Эпистаты в государстве Антигонидов» отметил, что в конце XX в. греческий исследователь М. Хатзопулос, основываясь на новом эпиграфическом материале, попытался доказать, что эпистаты являлись городской ежегодно избираемой магистратурой. Были также рассмотрены аргументы Н. Хэммонда, М. Эррингтона, Ф. Папазоглу, выступивших в защиту традиционной позиции об эпистатах как царских чиновниках, которую докладчик признал более убедительной.

На первом заседании *секции по истории древнего Рима* (председатель – В.Н. Парфенов) было обсуждено пять докладов. *А.Н. Грешных* (Москва) в докладе «Кульτ Термина в архаическом Риме: проблема источников и датировки», остановившись на функциях и формах культа Термина, основное внимание уделила проблеме датировки установления этого культа. Большинство древних авторов относят учреждение культа Термина полностью к эпохе правления Нумы Помпилия. Однако, по мнению *А.Н. Грешных*, эпохой Нумы следует датировать, скорее всего, только «централизацию» культа, а также создание святилища на Капитолии. Сам культ Термина является чрезвычайно древним (на это указывает, в частности, его хтонический характер) и имеет местное, италийское происхождение, корни которого могут восходить к переселению италиков на Апеннинский полуостров в середине II тыс. до н.э. *О.В. Кармазина* (Воронеж) в докладе «Богиня Мефита и храм Дианы Тифатины» указала, что для истории храма Дианы Тифатины около Капуи особый интерес представляет надпись, в которой присутствует имя Мефиты, богини, почитаемой в местах, где существовали зловонные серные источники, якобы открывающие вход в подземный мир. Автор отметила, что данные этимологии и археологии позволяют сделать вывод о самнитском происхождении Мефиты, которая была, в первую очередь, богиней границ и торговых путей. При этом римляне отождествляли с Мефитой Диану, так как она также была связана с целебными источниками, подземным миром (Диана Геката) и переходом из одного состояния в другое, почиталась как богиня перекрестков (Диана Тривия). Поскольку в ходе археологических исследований 90-х годов XX в. удалось установить, что древнейшие культовые постройки на месте храма Дианы Тифатины относятся к самнитскому периоду в истории Капуи, культ Мефиты мог появиться там уже на рубеже IV–III вв. до н.э.

В докладе *Р.М. Фролова* (Ярославль) «Греческая терминология для обозначения римских *contiones* (по сочинениям Дионисия и Аппиана)» была сделана попытка выявить слова и выражения, использовавшиеся для обозначения римских *contiones*, а также определить смысловое наполнение и специфику употребления этих терминов. Доклад *В.А. Квашина* (Вологда) «Щит и меч Италии: были ли союзниками Фабий и Марцелл?» был посвящен анализу попытки ревизии концепции Ф. Мюнцера, согласно которой между М. Клавдием Марцеллом и Кв. Фабием Максимом Кунктатором существовал политический союз. Докладчик пришел к заключению, что традиционная точка зрения, признающая наличие политического альянса Фабия и Марцелла, выглядит более убедительной.

27 октября на втором заседании *секции по истории древней Греции* (председатель – Ю.Б. Циркин) *В.Р. Гуцин* (Пермь) в докладе «*Eunomia*, *isonomia* и *demokratia* в Афинах» рассмотрел процесс политической эволюции Афин как последовательную смену политических устройств, обозначаемых вынесенными в название доклада понятиями: *eunomia*, *isonomia* и *demokratia*. Доклад *Е.В. Никитюк* (Санкт-Петербург) «Афинские Тридцать и их неафинские жертвы (по речам Лисия)» был посвящен главным образом анализу речи Лисия «Против Эратосфена», одного из Тридцати тиранов. Она имеет большое значение для изучения политической истории Афин в конце V в. до н.э., поскольку позволяет представить эмоционально-психологический фон событий этого периода. Кроме того, сам факт ее произнесения свидетельствует о том, что одно из условий примирительных соглашений 403–400 годов, – в частности, «не припоминать», – не выполнялось, и жертвы Тридцати тиранов пытались мстить за причиненные обиды еще несколько лет спустя.

О.В. Кулишова (Санкт-Петербург) в докладе «Обряд жертвоприношения в древнегреческой драме: сценическое действие и религиозная практика Афин» отметила, что сохранившиеся описания жертвоприношений, не являясь ни простым воспроизведением бытующего обряда, ни, напротив, никак не связанной с действительностью литературной фикцией, демонстрируют как дистанцию между сценическим миром и миром реальным, так и сложный процесс их взаимодействия. *В.В. Антонов* (Нижний Новгород) в докладе «Политика Фив в Эгее в середине 60-х годов IV в. до н.э.», рассмотрев морскую экспедицию Эпаминонда 364 г. до н.э. как один из шагов, направленных к укреплению фиванской гегемонии в рамках «Общего мира», показал, что она должна была решить весьма широкий круг вопросов: от установления доброжелательных или даже союзнических отношений с греческими полисами региона, малоазийскими сатрапами и династиями до решения экономических задач.

Доклад *И.Р. Блохиной* (Тамбов) «Учителя и ученики: об опыте наставничества в кризисную пору Эллады» был посвящен анализу существовавших в Греции IV в. до н.э. моделей воспитания и образования, прежде всего знаменитых школ Платона и Аристотеля. *А.В. Михайленко* (Москва) в докладе «Социальный статус представителей торгово-ремесленной среды Афин IV–III вв. до н.э. по данным

табличек с проклятиями» проанализировала тексты датируемых IV–III вв. до н.э. 155 аттических табличек с проклятиями, которые содержат сведения о представителях городской торгово-ремесленной среды Афин. Она пришла к выводу, что проклятия практиковались, прежде всего, в среде неграждан, что было вызвано их слабой социальной и правовой защищенностью.

На втором заседании *секции по истории древнего Рима* (председатель – А.В. Коптев) *А.В. Короленков* (Москва) в докладе «Марк Клавдий Марцелл и окончание первого этапа Нумантинской войны» проанализировал военную и дипломатическую деятельность Марка Клавдия Марцелла в 152–151 годах до н.э. Марцелл принудил кельтиберов к безоговорочной капитуляции (*deditio*), на чем настаивал сенат, но заранее пообещал им сносные условия (выплата огромной контрибуции, но без выдачи оружия). По мнению автора, это было наилучшим вариантом в сложившихся обстоятельствах. *В.Г. Тельминов* (Новосибирск) посвятил свой доклад теме «*“Exceptum caviumve est nei divideretur”*»: какие земли были изъяты Гаем Гракхом из сферы действия аграрной реформы?». Автор на основании сопоставительного анализа ранее не привлекавшегося в рамках данной темы отрывка из «Писем» Цицерона и Аграрного закона 111 г. попытался выявить особенности правового режима «изъятых» общественных полей и пришел к выводу, что гракханские нормы в отношении «изъятых» полей были подтверждены дальнейшими законодателями, благодаря чему большой массив общественных полей продолжал существовать вплоть до конца Республики. Решение об «изъятии» Гая Гракха, по мнению автора, сыграло ключевую роль в сохранении целостности важного для римского государства земельного домена на протяжении последующих ста лет.

А.Б. Егоров (Санкт-Петербург) в докладе «Совет принцепса в I–III вв. н.э. (эволюция политического института)» подчеркнул, что только после реформ Диоклетиана и Константина совет приобретает характер постоянно существующего «второго сената», «кабинета министров», а иногда и того и другого. В докладе «Римский сенат в период гражданских войн 68–69 годов: образ в общественном мнении и роль в политических событиях» *Е.Л. Смирнова* (Петрозаводск) указала на достаточно активную, хотя и не всегда главную роль сената в событиях 68–69 гг., и отметила, что с традиционным авторитетом сената продолжали считаться и императоры, и армия, и население провинций. В лозунгах, использовавшихся различными группировками в политической борьбе, сенат упоминался намного чаще, чем император, армия и даже Отечество.

На втором заседании *секции по истории эллинизма* (председатель – М.М. Холод) *А.Б. Шарнина* (Санкт-Петербург) в докладе «Почитание царей в греческих полисах державы Селевкидов на примере надписи из Теоса» отметила, что эта надпись, датируемая 224 годом до н.э., является образцом постановлений полисов в честь монархов. В ней упоминаются почести сакрального характера царю и его супруге в благодарность за то, что Антиох Великий, отвоевав Теос у Атталидов, освободил город от налогов и подтвердил асимию полиса и хоры. По мнению докладчика, предоставленные почести свидетельствуют не столько о признании божественности правителя, сколько о снижении сакрального смысла некоторых обрядов, которые выступают для полиса наиболее доступным способом облагодарить своих благодетелей. *С.В. Смирнов* (Москва) в докладе «Царский домен у Селевкидов в III в. до н.э.» отметил, что домен не входил в структуру «царской земли», а представлял собой поместья, рассредоточенные на всей территории государства, и принадлежал лично «царскому дому». При этом налоги, взимаемые с царского домена, формировали персональную царскую казну, средства из которой поступали на содержание царского двора. Таким образом, царский домен являлся одним из основных элементов «личной» царской экономики.

А.К. Грушевой (Санкт-Петербург) в докладе «Регламентация храмовой торговли в эллинистический период» указал, что эта торговля была повсеместно распространенной и весьма выгодной из-за льготного режима налогообложения.

А.П. Беликов (Ставрополь) в докладе «Концепция «политического равновесия» эллинистических государств: критический анализ» отметил, что тезис о «политическом равновесии» не находит подтверждения в источниках: ведь эллинистические правители, пытаясь скорее изменить соотношение сил в свою пользу и даже уничтожить соседнее государство, ничуть не беспокоясь при этом о возможном нарушении пресловутого «политического равновесия». В докладе *О.Ю. Климова* (Санкт-Петербург) «Неизвестная война Аттала III» был рассмотрен вопрос о победе Аттала III, которая послужила основанием для введения гражданской общиной Пергама культовых почестей царю (OGIS 336). Поскольку та часть надписи, в которой упоминается о войне и противнике, повреждена, точно не установлено, с каким именно противником Аттал III вел войну. Докладчик, избрав метод исключения, пришел к выводу, что вероятным противником последнего пергамского царя могли быть города Писидии.

На заседании *секции по истории культуры античного мира* (председатель – О.В. Кулишова) *М.Н. Химин* (Санкт-Петербург) в докладе «Сказание о несостоявшемся союзе Зевса и Фетиды в древнегреческом эпосе» предложил собственное решение вопроса относительно того, какой же ва-

риант предания первоначально фигурировал в эпической поэзии. Доклад *А.С. Горского* и *О.В. Горской* (Санкт-Петербург) «Эрмитажная гемма – печать Суллы и Помпея?» был посвящен инталии, представляющей собой слегка овальный сердолик из коллекции герцога Орлеанского, на котором вырезаны три трофея в обрамлении надписи – *Felix Faustus Venustus*. Сопоставив нарративные, нумизматические, палеографические и глиптологические данные, авторы доклада предположили, что перед нами подлинная печать Луция Корнелия Суллы, впоследствии принадлежавшая Помпею, к тому же содержащая незнакомый нам по нарративным источникам латинский агномен Суллы, не нашедший отражения в официальной римской пропаганде.

И.П. Портнягина (Тверь) в докладе «Социально-политический аспект искусства древнего Рима» указала на общие принципы развития римского искусства и культуры, оказавшие решающее влияние на статус мастеров искусства. В докладе «“Монархия” как “истинная демократия” в сочинениях авторов Второй софистики» *К.В. Марков* (Нижний Новгород) отметил, что в произведениях ряда античных авторов эпохи Второй софистики (Диона Хризостома, Флавия Филострата и др.) встречается определение монархии как «истинной демократии», причем данный идеал, противопоставленный тирании, предполагал определенное взаимодействие правителя и знати в политических делах и, очевидно, отражал установившиеся во времена Антонинов взаимоотношения императоров и представителей высших сословий. В переходную эпоху Северов данная концепция претерпевает определенные изменения: так, в труде Диона Кассия, в речи Мецената, «истинное народовластие» понимается как государственной строй, основанный на «геометрическом» равенстве (т.е. равенстве по заслугам) и предполагающий превращение сенаторов в действительно «правлящее» сословие во главе с принципом как «первым среди равных» (ЛП. 14–15). По заключению *К.В. Маркова*, появление подобных рассуждений в тексте «Римской истории» в некоторой степени предвосхитило идеологию борьбы «сенатских» и «солдатских» императоров.

В докладе «Магия и процессы по “veneni crimen” в афинской и римской судебной практике» *Т.В. Кудрявцева* (Санкт-Петербург) отметила, что в отличие от Афин, в которых не было каких-либо «антимагических» законодательных мер, в Риме пытались регулировать магическую активность еще со времен принятия законов Двенадцати таблиц, принципиальным же шагом в данном направлении был закон Суллы 81 г. до н.э. (*lex Cornelia de sicariis et veneficiis*). Римские процессы с магической составляющей в обвинениях, как и афинские, относились к *veneni crimen*, как и в Афинах, обвинениями в изготовлении зелий чаще всего были женщины. Это безусловно повлияло на внедрение в общественное сознание образа женщины-колдуньи и ворожеи: наиболее ярким литературным воплощением его в Риме стала Горациева Канидия. *И.В. Пьянков* (Великий Новгород) в докладе «Каменная Башня на Великом Шелковом пути» заметил, что Каменная Башня как важнейшая веха на Великом Шелковом пути упоминается в «Географическом руководстве» выдающегося античного географа Клавдия Птолемея (II в. н.э.) – автор «знает» о ней по двум источникам – итинерарию Мая Тициана (*Maes Titianus*) (рубеж нашей эры) через посредство своего предшественника Марина (около 100 г. н.э.), а также по сообщениям моряков, своих современников, для которых наземная трасса уже через Индию сочеталась с морским путем. Докладчик пришел к выводу, что Каменная Башня – это селение с каменным строением в виде башни, находившееся в районе современного Дараут-Кургана при выходе из Каратегина в Алайскую долину (Киргизия).

В секции источниковедения и историографии античной истории (председатель – С.Г. Карпюк) *А.В. Махлаюк* (Нижний Новгород) в докладе «Публий Геренний Дексипп в контексте греко-римской историографии III в.: миссия историка в эпоху смуты» отметил, что характерной особенностью греко-римской историографии второй половины III в., к которой принадлежал Дексипп, был интерес к современной истории, сочетавшийся с разработкой традиционных тем классической и эллинистической истории. Это было обусловлено реакцией греческой интеллектуальной элиты на кризис Римской империи. Вместе с тем в сочинениях Дексиппа можно видеть зарождение «византийской точки зрения» (по выражению Ф. Миллара), которая, в отличие от греко-римской историографии предшествующего времени, отдавала приоритет событиям греческой части Империи. *Н.Е. Самохвалова* (Москва) в докладе «К вопросу об оценке влияния римлян на варваров в “Географии” Страбона» указала, что Страбона не следует считать безусловным апологетом Римской империи, а само произведение – панегириком политике Рима. Ключевым фактором для формирования мировоззрения Страбона оказывается его принадлежность к стоической школе; стоики же часто ставили в пример римлянам жизнь племен, лишенных цивилизации и всех бед, которые она несет с собой. В противоречие с выраженной прямой положительной оценкой действий римлян вступают некоторые косвенные указания в тексте Страбона, в которых проступает отрицательная оценка влияния римлян на покоренные народы и обнаруживается неоднозначное отношение Страбона к политике Рима.

Тема доклада *А.А. Синицына* (Санкт-Петербург/Саратов) – «Ручники, платки и скальпы: Древний грамматик об экзотических значениях слова *ΧΕΙΡΟΜΑΚΤΡΟΝ* (Athen. IX. 410 b–f)». Автор отметил,

что в конце IX книги «Пирующих мудрецов», где симпозиасты обсуждают различные значения слова *χεῖρομακτρον*, Афиней приводит десяток примеров из классической литературы, где «хейромактрон» означает «полотенце» («ручник» или «утиральник»), «головной убор» («платок» или «косынка»), но при этом обходит вниманием еще одно значение данного слова: «ручник по-скифски» (*Σκυθιστὶ χεῖρομακτρον*), а именно «скальп», что, по мнению докладчика, указывает на воинский обычай скифов, которые якобы использовали вражеские скальпы для вытирания рук. *Ю.В. Куликова* (Москва) в докладе «Оценка роли узурпатора в античной историографии» указала, что античные историки, обращаясь к причинам и обстоятельствам узурпации власти, сходились во мнении, что свержение законной власти допустимо, если узурпатор действовал на благо государства. *Е.В. Захаров* (Москва) в докладе «А.Н. Зограф (1889–1942). Штрихи к биографии ученого» отметил, что А.Н. Зографу в его работе по изучению античных монет удалось добиться значительных успехов и стать связующим звеном между представителями до- и послереволюционной исторической науки.

28 октября на третьем заседании *секции по истории древнего Рима* (председатель – А.В. Махлаюк) *Т.К. Лабутина* (Санкт-Петербург) в докладе «Британский поход Септимия Севера 211 г. н.э.» отметила в качестве основного результата похода укрепление римской границы по Адрианову валу. *Н.С. Широкова* (Санкт-Петербург) в докладе «Романизация и искусство римской Британии» подчеркнула, что в римской Британии взаимодействие римской и кельтской культур привело не к замещению одной культуры другой, а к их синтезу, нашедшему отражение в романо-британском художественном стиле, ярким образцом которого является рельеф с изображением Медузы Горгоны, украшавший фронтон храма Суль-Минервы в курортном городе Бате, датирующийся II – началом III в. Рельеф из Бата демонстрирует лучшие черты романо-британского искусства, соединившего римский натурализм и кельтский символизм.

Е.С. Данилов (Ярославль) в докладе «Контрразведывательные функции *agentes in rebus*» попытался ответить на вопрос, какова была роль этих агентов, а также оценить их потенциальный вклад в обеспечение безопасности римского государства. *А.К. Нефедкин* (Санкт-Петербург) свой доклад «Дромедарии в армии Римской империи» посвятил особому роду воинов во II–VI вв., – дромедариям, сражавшимся верхом на верблюдах на востоке Римской империи. *Ю.А. Федина* (Магнитогорск) в докладе «Галатия в восточной политике Рима в I в. до н.э.» попыталась проследить изменения в римской политике по отношению к Галатии в период со II в. до н.э., когда она попала в сферу римских интересов, до преобразования ее в императорскую провинцию в 25 г. до н.э.

На заседании *секции по истории раннего христианства* (председатель – А.Б. Егоров) *А.Д. Пантелеев* (Санкт-Петербург) в докладе «Сократ в христианских апологиях и мученичествах II–III вв.» отметил, что фигура Сократа активно использовалась христианами в качестве образца истинного мудреца, гонимого за свои взгляды, но не уступившего несправедливым требованиям, однако с течением времени образ Сократа был вытеснен в область антикварных и историко-философских отступлений. *А.В. Каргальцев* (Санкт-Петербург) в докладе «Антихристианские гонения в свете двух эдиктов Валериана 257–258 гг.», рассмотрел изменения, происшедшие в правление Валериана во взаимоотношениях церкви и государства. Если ранее римское законодательство рассматривало саму принадлежность к церкви достаточным условием для преследования и казни, то теперь запрещалось лишь христианские собрания на кладбищах, а гонениям подверглись только представители высшего духовенства, а также богатые и знатные христиане – сначала конфисковывали их имущества, а потом казнили. *Е.А. Розенблом* (Москва) в докладе «Развитие образа мученика в христианской литературе III–V вв. на примере св. Фруктуоза Тарраконского» попытался проследить, как один и тот же раннехристианский сюжет видоизменяется в разных обстоятельствах – в зависимости или от сознательно поставленных церковным автором целей, или от различных культурных особенностей конкретного исторического момента.

Е.А. Кружлов-Маеридис (Уфа) в докладе «От Евгемера к Арию: *pro et contra*» пришел к заключению, что многовековая традиция эвгемеризма не только обеспечила в эпоху Империи базу для культа римских августов, но и могла послужить социокультурной почвой для зарождения в лоне раннего христианства монофизитских идей учения Ария. В своем докладе «Синезий, епископ Киренский. Речь «О царстве»» *О.В. Пржигодская* (Санкт-Петербург) вначале осветила основные события жизни Синезия, а затем подробно остановилась на анализе его речи «О царстве», охарактеризовав ее литературные особенности и идеологический настрой.

На заключительном пленарном заседании, состоявшемся 28 октября в 15 часов, было представлено четыре доклада. *Харийс Туманс* (Рига, Латвия) в докладе «Сколько патриотизмов было в древней Греции?» отметил, что речь может идти, по крайней мере, о двух типах патриотизма – классическом полисном, наиболее полно выраженном в надгробной речи Перикла у Фукидида, и «новомодном», софистическом, нашедшем наиболее яркое воплощение в личности Алкивиада. В результате анализа свидетельств источников автор доклада сделал несколько принципиальных выводов, в частности, попытался доказать, что позицию Алкивиада по отношению к Афинам следует трактовать в контексте

не софистической риторики и апатриотичных настроений эпохи кризиса полиса, а аристократической культуры архаической эпохи, что обнаруживает ее связь с героической идеологией и концепцией харизматической власти. В докладе *С.Г. Карпюка* «Персидская “роскошь” и лаконская “простота” в классических Афинах» было рассмотрено изменение моды на роскошь в Афинах V в. до н.э. прежде всего в среде афинской аристократии. Восхищение роскошью и стремление обладать предметами роскоши были, по мнению автора, характерными чертами древнегреческой аристократии, но в период расцвета демократии в Афинах аристократические привычки распространяются на весь гражданский коллектив, свидетельством чему служат комедии Аристофана. Поэтому, как заключил С.Г. Карпюк, для афинской аристократии роскошь перестает быть престижной, и она обращается к лаконской «простоте».

В.Н. Парфенов (Саратов) свой доклад «Надпись у Беюк-Даша, энкомий из Пантикапея и внешняя политика Домициана» посвятил сравнительному анализу двух надписей. Первая – латинская надпись, обнаруженная в 1948 г. у подножия горы Беюк-даш (в 70 км от Баку), автором которой является центурион XII Молниеносного легиона Юлий Максим и которая датируется временем Домициана (*terminus post quem* – 84 г. н.э.). Вторая – греческая надпись, найденная в 1985 г. в Керчи, которая представляет собой уцелевший фрагмент речи, произнесенной на похоронах крупного сановника Боспорского царства, воспитателя царя Савромата I. Докладчик предположил, что обе надписи имеют отношение одному и тому же кругу событий связанному с взаимоотношениями Рима и аланов в конце I в. н.э. Завершил пленарное заседание доклад *Яцека Вевёровски* (Познань, Польша) «Причины создания praetores Pisidiae, Lyconiae, Thraciae и Paphlagoniae Юстинианом Великим в 535 г.». По мнению автора, преторы были созданы в рамках предпринятых Юстинианом реформ администрации провинций, отличительной чертой которых, среди прочего, был отход от принципа разделения компетенций гражданских и военных властей, характерного для Поздней римской империи. Я. Вевёровски подчеркнул также непоследовательность императора в введении изменений и обозначил причины отхода от части реформ не позднее 50-х годов VI в.

Итоги конференции в своем заключительном выступлении на пленарном заседании подвел *О.Ю. Климов*, который подчеркнул, что XIII Жебелёвские Чтения в Санкт-Петербургском университете и в этом году по традиции собрали широкий круг исследователей-антиковедов. В заключение О.Ю. Климов оценил работу конференции как весьма успешную и выразил надежду на дальнейшее продолжение традиции «Жебелёвских Чтений».

О.В. Кулишова, Э.Д. Фролов

© 2012 г.

ЛОМОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ НА КАФЕДРЕ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ им. М.В. ЛОМОНОСОВА (18 ноября 2011 г., Москва)

18 ноября 2011 г. на кафедре истории древнего мира исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова состоялась ежегодная научная конференция «Ломоносовские Чтения», в которой приняли участие сотрудники кафедры – специалисты по истории древнего Востока, древней Греции и древнего Рима.

Конференцию открыл доклад заведующего кафедрой истории древнего мира *С.Ю. Сапрыкина* «Боспор, Фракия и Аполлония Понтийская в IV в. до н.э.», посвященный фрагментам проксенических декретов Боспора эпохи Спартокидов. Автор предложил новое прочтение сохранившихся остатков строк, не прочитанных и не откомментированных первоиздателями – В.П. Яйленко и Ф.В. Шелов-Коведяевым. По мнению докладчика, в декретах упоминаются граждане западнопричерноморского города Аполлония Понтийская, которым боспорский правитель Левкон I даровал проксенические привилегии. С.Ю. Сапрыкин предположил, что декреты датируются последним периодом правления Левкона – серединой IV в. до н.э. или началом его третьей четверти и свидетельствуют о попытке установить тесные отношения с Аполлонией Понтийской. Левкон надеялся воспользоваться связями последней с Македонией, чтобы предотвратить войну, которую замыслили Филипп II и находившийся при его дворе родосский полководец Мемнон.

В своем докладе «Опис: фрагменты истории города с месопотамской окраины» *С.С. Соловьева* констатировала, что, поскольку Опис до сих пор не раскопан, ученым приходится опираться на письменную традицию о нем. Автор выделила пять этапов в истории города, носившего различные имена. Шумерский Акшак в раннединастическую эпоху вел борьбу за гегемонию, уступив в конечном итоге